

В ДОМЕ на Большой Ордынке, где сейчас живет Михаил Козаков, бережно хранится память о прошлом. Фотографии на стене и книжных полках словно воскрешают то время, когда семья жила в Ленинграде, в писательском доме на канале Грибоедова. Михаилу Михайловичу посчастливилось: еще в детстве он был знаком с крупнейшими литераторами, мастерами театра.

— Это общение, вероятно, повлияло на ваше личное отношение к искусству? — спросил я Михаила Михайловича в начале беседы.

— Конечно, как и каждый человек, я испытал влияние среды, в которой рос. Мой отец — Михаил Козаков — был писателем (недавно вышло переиздание его большого романа «Крушение империи»), мама — Зоя Александровна Никитина — занималась издательским делом. Еще мальчиком я слышал Анну Андреевну Ахматову; благодаря родителям был знаком с Борисом Леонидовичем Пастернаком, Виктором Борисовичем Шкловским. В гости к родителям часто приходили наши соседи по дому — Михаил Зощенко, Евгений Шварц (позже в «Современнике» я с радостью играл в его пьесе «Голый король»). У нас бывали Уланова и Завадский, читал стихи Василий Иванович Качалов...

Особо хочу назвать Бориса Михайловича Эйхенбаума, всемирно известного ученого-литературоведа. Это выдающийся пушкинист, лермонтовед, автор многих статей о Льве Толстом. Он привил мне любовь к театру, поэзии, серьезной музыке. Эйхенбаум был человеком энциклопедических знаний и одновременно, при глобальном уме, по-детски наивным и непосредственным — редкое и прекрасное сочетание.

Если говорить о практическом воздействии, назову «Маскарад», недавно поставленный мною на телевидении. Эта работа в каком-то смысле выросла из зерна общения с Эйхенбаумом. Помню, сразу после войны он повел меня на незабываемый спектакль Завадского с Мордвиновым в роли Арбенина, а затем мы долго говорили о постановке, о причинах сценической удачи «Маскарада». Большое влияние на меня оказали и статьи Бориса Михайловича о творчестве Лермонтова.

Люди, о которых сейчас говорю, жили в трудное, во многом трагическое время; на их плечи упали бесчисленные тяготы. Но это были чрезвычайно стойкие люди, настоящие интеллигенты, которые преданнейшим образом любили русскую культуру. И я навсегда запомнил, с каким мужеством и бескомпромиссностью они отстаивали право на духовность и на истинность своего существования в искусстве...

— Актерскую работу вы сочетаете с режиссурой, занимаетесь литературным творчеством. И все же по какому принципу меняется главное в вашей жизни?

— С годами накапливается такое количество информации про свою собственную жизнь, что не всегда успеваешь ее осмыслить, строго разложить в определенном порядке. Поэтому ответить на ваш вопрос сложно.

В последнее время меня больше всего интересует, пожалуй, режиссура. В 1968 году я впервые поставил на телевидении маленький спектакль «Черные блюзы Ленгстона Хьюза» с участием Кати Градовой и Валентины Никулина (работал в 21-й студии, где недавно записал три части «Фауста»). Впрочем, желание заниматься режиссурой жило во мне всегда. Еще в школьные годы, в самодеятельности, я ставил пьесу Михалкова «Смех и слезы» про пионера, который попал в сказочное государство, ставил и «Двадцать лет спустя» Светлова. Но я был робок — не рискнул сразу после школы поступать на режиссерский факультет. Сейчас не жалею об этом, потому что прошел интересный актерский путь, и опыт позволил вновь, серьезно, обратиться к режиссуре.

В детстве мне говорили: «Наверное, будешь, как отец, писателем». Я отвечал: «Никогда!» Наверное, потому, что видел, как отец трудно существовал, работал. Но выяснилось, что и это, по выражению Давида Самойлова, «очнулось» во мне. Конечно же, я не писатель, но уже стал сценаристом. Кроме того, пишу статьи, эссе; недавно написал почти литературоведческую работу «Доколь в подлунном мире...» — сравнительный анализ «Евгения Онегина», «Маскарада» и «Тамбовской казачейши» (эта работа опубликована в журнале «Юность»). В издательстве «Искусство» готовится к печати книжка моих мемуаров «Фрагменты» (с комментариями Александра Свободина).

Сейчас наступил момент, когда все для меня едино: режиссура, актерство, эссеизм. Не исключаю, что когда-нибудь поставлю оперу, так как очень люблю классическую музыку.

— А у вас бывают минуты, когда наступает состояние скуки, безразличия к окружающему?

— Вообще я не понимаю людей, которые говорят: «Скучно жить, не знаю, что мне делать, чем себя занять». Боже мой, проходит жизнь! Я все время думаю, что не прочитаны такие потрясающие книги, которые просто стыдно признать, что не читал; не услышаны замечательные музыкальные произведения...

Все это отнюдь не означает, что я сам существую благостно, легко и счастливо. Наоборот, у меня бывают мучительные депрессии — но обычно не из-за внешних обстоятельств, когда что-то не дают, не разрешают, не выпускают. Самые страшные депрессии я испытываю, когда не могу решить какого-то художественного ребуса. Но, несмотря на все это, и на предстоящие еще депрессии, и неудачи, и срывы, для меня не существует понятия скуки.

музыкой его стиха. Много читаю Самойлова с эстрады.

Очень люблю стихи Арсения Александровича Тарковского. Он ведет корни от философской поэзии Тютчева, Баратынского...

Мне нравятся стихи Юрия Левитанского, а особенно — его литературные пародии: мечтаю записать их на пластинке. Они отличаются от пародий Александра Иванова, который, как правило, выбирает две строчки поэта, уже себя разоблачающих. А Левитанский пишет пародии в пушкинском понимании. Пушкин говорил, что пародия — это особый вид искусства, когда пародируемый должен узнать себя. Значит, необходимо влезть в чужую структуру, чужой ритм, понять его и грандиозно выстроить пародию в этом жанре.

Левитанский пародирует замечательных поэтов. Он берет стихи того же Самойлова, Тарковского, Ахмадулиной, Яшина, Слуцкого, Винокурова; мастерски прони-

его лучшие минуты. Потом можно сказать: да, я ошибался, у меня не получалось; от неудач никто из нас не застрахован. Но в те минуты творческая энергия помогает мне играть роль, помогает вести за собой людей в режиссуре. И хотя Пастернак сказал, что «поражение от победы ты сам не должен отличать», но анализировать-то ты обязан. А собственный анализ уже сделанной работы никогда не вызывает ощущения благополучия, потому что лестница познания нескончаема.

— Михаил Михайлович, вашей первой ролью на профессиональной сцене стал Гамлет, сыгранный в возрасте 22 лет. Сегодня режиссеры, как правило, боятся поручать дебютанту ответственные роли, особенно в классике. Поэтому ученическая пора в театре нередко продолжается у актера до 30—35 лет...

— Я должен сказать, что моему поколению чрезвычайно повезло. Это было время после XX съезда партии, когда молодежи вообще давали дорогу. В Театре имени Маяковского Николай Павлович Охлопков доверял нам главнейшие роли. И я думаю, что это необходимо делать. Просто нерасчетливо и глупо — не доверять молодым. У меня такое впечатление, что как раз сегодня, когда совершаются театральные реформы, молодому поколению может крупно повезти.

С другой стороны, под лежащий камень вода не течет. Я часто замечал, что молодые актеры, которые, казалось бы, жалуются, что у них нет ролей, — как только выпадает роль, оказываются не готовы к ней. Они полагают, что все будет принесено им на блюдечке, что режиссер все расскажет и научит, как играть.

Я был принят в Театр имени Маяковского в июне 1956 года, в конце сентября начал репетировать ввод на роль Гамлета с партнерами, а уже 25 ноября сыграл премьеру. Мог бы я за такой короткий срок сыграть Гамлета, если бы не был профессионально готов? Я занимался дома, как сумасшедший; замучил своих друзей бесконечными показами.

Это относится к молодежи и в равной степени ко мне нынешнему. Недавно на фирму «Мелодия» вызвали Сергея Юрского (с которым, кстати, мы вместе начинали в ленинградском Дворце пионеров, в студии художественного слова) и меня и сказали: «Вы хотели записать пластинку со стихами Мандельштама? Записывайте». И, как выяснилось, мы были готовы, не зная, будет когда-нибудь такая пластинка или нет.

Вот почему я подчеркиваю, что необходима максимальная внутренняя готовность актера к серьезной работе.

— Как вы считаете, максимализм, присущий молодежи, должен включать в себя самоограничение?

— Убежден, что как раз в молодости максимализм предполагает строгое самоограничение, серьезный отбор, предполагает отказы. Это принципиальность в жизни и искусстве, отстаивание своих взглядов — гражданских, человеческих, отстаивание своей мировоззренческой позиции. Но максимализм и принципиальность не надо путать с упорностью. Мышление всегда должно быть пластичным.

Дожив до 52 лет, я смею надеяться, что не перестал быть в чем-то максималистом.

— Ваш уход из театра — тоже проявление максимализма?

— Всякий раз я стараюсь обдумывать явление всесторонне и только потом могу сказать себе: нет, это мне не подходит. И тогда я ухожу из театра, выхожу из картины.

Мне было интересно работать в Театре на Малой Бронной с Эфросом. Когда же Анатолий Васильевич собирался ставить «Дорогу» (по мотивам «Мертвых душ» Гоголя), я не раз говорил ему, что мне не нравится инсценировка. Были споры, но, как дисциплинированный актер, я довел наше дело до конца — испытал глубокое разочарование и был рад, когда прекрасный критик Смелянский проанализировал этот спектакль со знаком минус и мою работу тоже покритиковал, будь здоров как. После «Дороги» прежняя компания актеров постепенно распалась.

Некоторые актеры с гордостью говорят: «Вот я отдал этому театру 30 лет жизни». Ну и прекрасно, если ты был там счастлив. Но ведь понятие «театр» значительно шире, чем определенные стены. Например, говорят: «Традиции такого-то театра». Но традиций-то нет, одни стены остались.

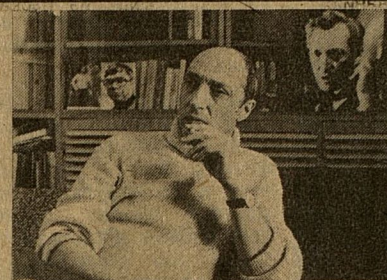
Я уже нахожусь в таком возрасте, когда должен вполне реализовывать собственные идеи и замыслы. Означает ли это, что не приду больше в театр? Не знаю. У меня есть планы, мечты. Очень многое хотелось бы осуществить еще...

Беседу вел
Вадим ВЕРНИК.

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

«НЕ ХОЧУ БЫТЬ БЛАГОПОЛУЧНЫМ...»

У нас в гостях — народный артист РСФСР
Михаил КОЗАКОВ

С другой стороны, я замечаю, что те актеры, да и не только актеры, которые жалуются: «А когда же все успеешь? Некогда», — меньше всего успевают сделать в жизни...

БЕССПОРНО, многообразная деятельность в искусстве требует, помимо чисто профессиональной работы, огромного духовного накопления и интенсивного существования. День Михаила Козакова проходит напряженно. Как правило, в семь часов утра он уже садится за письменный стол: читая книги, делает записи, многочисленные пометки; готовит режиссерские разработки. Недавно написанные им сценарии («Петербургская фантазия», «О, Моцарт, Моцарт», «Визит старой дамы») утверждены в Госкино и на телевидении.

Мы встретились в девять часов утра, но уже через час вынуждены были прервать беседу. В дом к Михаилу Михайловичу пришли участники съемочной группы фильма «Петербургская фантазия».

— Наш будущий фильм — фантазия на тему гениальной «Пиковой дамы», — поясняет мне Михаил Михайлович. — Сценарий мы сочинили вместе с Александром Шлепяновым. Главный герой — современный молодой человек — бродит по Ленинграду, мечтая попасть в XIX век; и внезапно попадает — через театр. Увидев себя на сцене, он пытается осмыслить «Пиковую даму» заново. Основной урок, который герой вынесет, заключается в глубоком понимании высоко нравственной позиции Пушкина: «Не убий в себе душу»...

Скоро начнется съемочный период работы, а пока вместе с режиссером-постановщиком Козаковым актеры, которые будут пробовать на главные роли, художник Игорь Морозов, оператор Альгимантас Моцкус и второй режиссер Нина Ягман разбирают отдельные эпизоды, внимательно просматривают эскизы и фотографии, обсуждая «натуру» предстоящих съемок. Взаимовоспитание и увлеченно рассуждает Михаил Козаков о пушкинской эпохе, вновь и вновь возвращаясь к творчеству Пушкина, своего любимого поэта, писателя, драматурга.

Когда беседа с творческой группой закончилась, я попросил Михаила Михайловича рассказать о своих пристрастиях в современной литературе.

— Я очень люблю творчество Давида Самойлова, моего друга. Он — пушкинец, вот что, пожалуй, нас объединяет больше всего. Как отец я недавно записал на Центральном телевидении композицию, составленную из стихотворений Самойлова, — «Под знаком Пушкина».

Мне близко состояние поэзии Самойлова — от взлетов в небо, легких, романтических, до трагических падений; кроме того, прелестный юмор и философские обобщения в сочетании с замечательной

кает в их стиль, и это интересно читать. Это уже искусство.

— А как сегодня складываются ваши взаимоотношения с «легким» жанром — комедией на экране?

— Я очень люблю комедию, баловство в искусстве. Не надо забывать, что актеры, при всей серьезности работы, — в некоторой степени клоуны, лицедеи. Поэтому я с удовольствием озвучивал в мультфильме Слопенка и играл эксцентрических персонажей в картинах «Здравствуйте, я ваша тетя!», «Соломенная шляпка», «Лев Гурыч Синичкин». Хочу поставить комедию и опять вернуться к интонации «Покровских ворот». С радостью сыграю в комедии, если будет что-то по-настоящему смешное.

— Новые работы, гастрольные поездки... Ну а отдых предусмотрен в вашем жестком расписании?

— Все мои близкие и друзья — люди искусства или серьезно интересуются искусством. Отдых предполагает переключение, но я принимаю только активный отдых, обязательно с обменом мыслями, интересной информацией. Мне ужасно скучно находиться среди людей, которым не о чем говорить и они просто созерцают друг друга.

Мой сын Кирилл — актер; он окончил Щепкинское училище. Так что интересы у нас общие. Мы фантастически похожи внешне. Когда в «Маскараде» мною была опробована система двойников, то я понял, что Кирилл способен на выполнение каких-то серьезных задач, и в телеверсии драмы Гете доверил ему роль молодого Фауста... Жена Регина занимается переводами; переводит прозу, пьесы. Опять близко. Дочь Катя унаследовала бабушкины традиции; работает текстовиком в издательстве «Русский язык». Радуют интересы шестилетней внучки Даши, которая любит рисовать и рисует довольно хорошо.

— Михаил Михайлович, хочу напомнить фразу, произнесенную вами в печати почти двадцать лет назад: «Благополучным человеком никогда не был и не хотел быть». Может быть, сегодня ваши взгляды изменились?

— Отнюдь нет, могу повторить эти слова.

Есть такое выражение: «Он в порядке». А что считать порядком, благополучием? Какие ценности? Карьеру, звание? Но, как известно, «чины людьми даются, а люди могут обмануться». Материальное благополучие? Не говорю, что надо жить аскетически, но накопительство... Я никогда этого не понимал.

Сама жизнь радостна процессом своим, но не просто потребностью «грести на себя», а желанием что-то оставить следующему поколению.

Для меня процесс работы всегда выше результата. Убежден, когда человек испытывает энергию к работе, познанию, — это